

БОРИС БАТЫРШИН

КОПТСКИЙ
КРЕСТ

Книга
первая

Борис Борисович Батыршин

Коптский крест

Серия «Коптский крест», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8735735

Коптский крест!.: Альфа-книга;

Аннотация

Балканская война 1877-78 годов не закончилась обидным для России Сан-Стефанским миром. Войска Белого генерала Скобелева входят в Константинополь, в ответ Британия посылает свои эскадры в Босфор и на Балтику.

Русские башенные канонерские лодки и минные катера – против грозных броненосцев Роял Нэви. Форты Кронштадта и Свеаборга – против орудий Армстронга и Витворта. Яростные морские сражения, успех которых решают таранные удары, мины и... Очень Большие Пушки. А где-то в чужих широтах русские военные клиперы, подобно спущенным с поводков гончим, уже вырвались на торговые пути – Океанская Охота началась! Останется ли Британия Владычицей Морей?

И на фоне этих грандиозных событий – история юного мичмана, выпускника Санкт-Петербургского Морского Корпуса, получившего своё первое назначение на балтийский монитор «Стрелец». На нём он и примет свой главный бой...

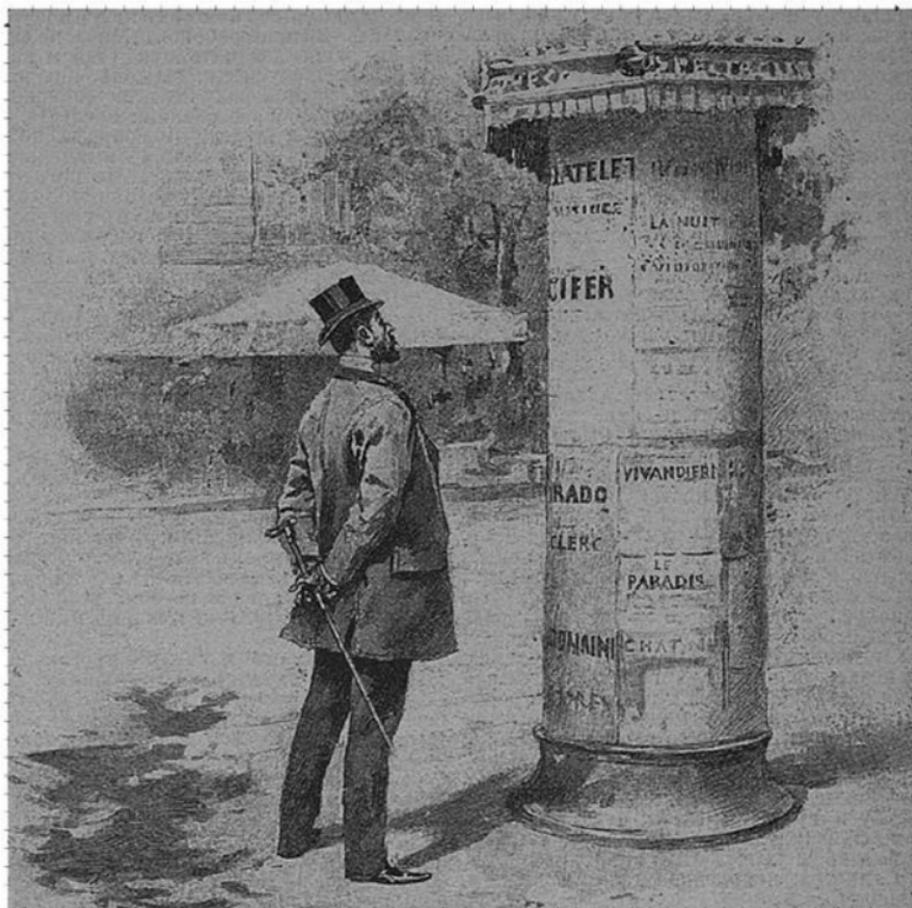
Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Борис Батыршин Коптский крест!

*Посвящается памяти Петра Куркова, без
которого я, наверное, никогда не взялся бы за перо*

Часть первая Вниз по кроличьей норе, или Туда и обратно

Глава 1

Судьба порой выбирает своим орудием неожиданные предметы. Сейчас эта роль досталась обычной тетрадке. Она завалилась за письменный стол и никак не хотела оттуда извлекаться, несмотря на все усилия владельца, Николеньки Овчинникова, московского гимназиста тринадцати лет от роду. Тетрадь отражала атаки одну за другой. Сначала – посмеялась над попыткой выцарапать ее из-за ножки стола с помощью карандаша, потом проигнорировала циркуль, а под конец, когда Николенька сумел подцепить беглянку линейкой, коварно за что-то зацепилась. Это стало последней каплей – Николенька встал, выпрямился, утер со лба трудовой пот и со вздохом признал свое поражение. Тетрадь надежно закрепилась на занятых позициях, и теперь приходилось менять стратегию.

Николенька толкнул массивное дубовое сооружение – оно не шевельнулось ни на дюйм. Пришлось навалиться на него изо всех сил; что-то хрустнуло, и стол все-таки сдвинулся – на ладонь, не больше. Впрочем, теперь можно было забраться между ним и стеной и нащупать проклятую тетрадку.

Надо было поторопиться. Николеньке уже давно следовало поспешать в родную Пятую классическую гимназию. Опоздание был чревато записью в кондуит, а это значит – оставят после уроков. А с учетом накопившихся уже греш-

ков – могут и вовсе родителей вызвать. То есть не родителей, конечно, а дядю... но легче от этого не станет.

Нет, попадать в кондуит никак не стоило. Не то чтобы дядя Василий был как-то особо строг к мальчику – скорее уж наоборот. Дядя и сам был учителем, преподавал словесность в гимназии для девочек, и Николке никак не хотелось его расстраивать. Так что следовало поторопиться. Даже если выйти прямо сейчас – придется бежать со всех ног, и не дай бог налететь на кого-нибудь из гимназических церберов!

Здравый смысл подсказывал бросить все и идти, но, как назло, тетрадь была по латинской грамматике. В гимназиях Российской Империи латинисты никогда не относились к категории любимых учителей – наоборот, гимназисты ненавидели их всеми фибрами своих детских душ, и большинство преподавателей этого классического мертвого языка платило ученикам полнейшей взаимностью. И латинист Пятой московской классической казенной гимназии выделялся скверным нравом даже среди своих коллег. Он изводил учеников придирками за малейшую ошибку, исправление, неаккуратность... что уж говорить о несделанном домашнем задании! Нет, явиться в гимназию без тетрадки по латыни было решительно невозможно.

– Николя, что ты там возишься? Опоздаешь!

А то он об этом не знал! Тяжко вздохнув, Николенька попробовал втиснуться между столом и спинкой кушетки – иначе было не дотянуться до синего матерчатого переплета,

выглядывавшего из-за массивной, в виде львиной лапы, ножки. Ну, еще немного...

– Николя, что это значит? Куда ты залез? Брюки помнешь, негодный мальчишка!

Тетя стояла в дверях Николенькиной комнаты, и глаза ее пылали праведным гневом. Еще бы! Как раз сегодня прислуга Овчинниковых Марьяна отпросилась на полдня – у нее заболела двоюродная сестра, и девушке надо было «ходить за сродственницей». А тетя Оля, как назло, забыла напомнить ей погладить Николенькину форму! Так что пришлось супруге Василия Петровича самой братья за пышущий жаром чугунный утюг, принесенный дворником Фомичом, и проглаживать жесткие суконные складки. Так что безответственное поведение племянника привело тетю Олю в негодование.

– Да, тетенька, сейчас! Тетрадка по латыни за стол завалилась...

– Следить надо за вещами и не разбрасывать где попало – тогда и заваливаться не станут! И вообще, Николя, ты уже давно должен был уйти в гимназию. Опять опоздать хочешь?

Тетя Оля единственная из домашних обращалась к племяннику не «Николка» или «Николенька», а на французский манер – «Николя». До замужества тетя окончила Московский институт благородных девиц – и там приобрела привычку вставлять в речь французские словечки и забавно коверкать русские имена галльским ударением. Николеньку

это нисколько не задевало – наоборот, он находил речь тети милой и очаровательно старомодной. В представлении мальчика так же говорила, например, Татьяна из «Онегина», а еще тургеневские барышни.

Наконец-то Николеньке удалось дотянуться до проклятой тетрадки. Ухватившись покрепче – насколько сумел тремя-то пальцами, – он дернул. Тетрадь, как ни странно, не поддавалась. Мальчик дернул еще раз; раздался треск, и тетрадь оказалась у него в руках. По полу раскатились черные бусинки, а из-за дубовой львиной лапы высунулся какой-то витой шнурок.

– Скорее, Николя, что ты копаешься?

Тетя была неумолима. Не мог же Николенька объяснять, что под столом обнаружилось что-то такое, чему там совсем не место! Бусинки какие-то, шнурочки... нет, тетя явно не поймет, как можно, опаздывая в гимназию, отвлекаться на подобную ерунду! Да еще и рискуя измять брюки, выглаженные ею с такими трудами! Но не бросать же дело на полпути? Николка извернулся и ужом заполз еще глубже. Загадочные бусинки он подобрал и сунул в карман – и исхитрился наконец заглянуть в узкую щель между плинтусом и ножкой.

Плинтус оторвался. Видимо, виной тому были отчаянные попытки Николеньки сдвинуть с места письменный стол. Из образовавшейся щели и раскатились по полу непонятные бусинки. А в ее глубине виднелось еще с десятков таких же шариков, на шнурке – похоже, за него и зацепилась тетрадка.

– Николая, сколько можно! Я кому говорю?

Тетя Оля решительно не понимала, что у человека в тринадцать лет могут быть свои важные дела! Не вступать же в спор... Мальчик, пыхтя от натуги, дотянулся до щели левой рукой, сгреб бусинки, потом зацепил шнурок и аккуратно, чтобы вновь не порвать, вытянул из-под плинтуса. В его руках было что-то вроде четок, на которых висел потемневший от времени крест непривычной формы.

– Все, тетя Оль, уже иду, правда-правда! – Николенька выбрался из-под стола, разгладил брюки (жалкая попытка, ну да чего уж там...), не глядя сунул добычу в ящик, схватил ранец и проскользнул мимо разгневанной тетки в прихожую.

Лестничный пролет, ведущий во двор, мальчик преодолел в три прыжка. Солнце светило по-майски ярко; хотя куда ему было до того, что заливало своими лучами двор родительского дома! Но – увы, тот остался на юге, в Крыму, в Севастополе, там, где служил отец – старший офицер странного круглого броненосца «Вице-адмирал Попов».

Впрочем, Николенька не особо рвался домой. Нет, он скучал по отцу, но слишком свежа еще была горечь после смерти мамы. Каждая половица их квартиры на Корабельной стороне отзывалась ее шагами, каждая гардина хранила тепло ее рук...

Мама Николеньки умерла четыре года назад. Доверять сына заботам гувернантки отец не захотел; к тому же мальчику пришло время поступать в подготовительный класс гимна-

зии. Отец видел сына студентом университета, а в Севастополе – увы, не было классической гимназии. Так что было решено отправить Николеньку к дяде, в Москву. Сам дядя, Василий Петрович Овчинников, жил с семьей – женой и двумя дочерьми, четырнадцати и восьми лет – в доме, что достался ему года три назад, после смерти дальнего родственника. Овчинниковы обитали в большой семикомнатной квартире, а остальные комнаты сдавались внаем, как делал это прежний владелец дома.

Надо отметить, что Василий Петрович, человек интеллигентный, но не слишком-то практичный, предпочел в память о своей университетской юности сдавать жилье небогатым студентам. У него селились те, кому не нашлось места в «Чебышах» или «Аде» на Козихинской или Большой Бронной.

Вот и сейчас трое таких студизусов (как именовал их дядя Василий) – Никита Васютин с третьего курса Императорского Московского технического училища и парочка его приятелей из университета восседали на лавочке во дворе и спорили о чем-то, вооружившись целой россыпью книг и брошюр. Да так жарко спорили, что казалось, книги вот-вот превратятся из орудий пытливого ума в метательные снаряды. Дворник Фомич размеренно шкрябал метлой по камням двора, время от времени неодобрительно косясь на «скубен-тов».

Фомич достался Овчинниковым в наследство, вместе с домом. Сей достойный муж не одобрял постояльцев, кото-

рых приютил в доме новый хозяин. Впрочем, порядок он понимал. Бывший скобелевский солдат, отставленный по ранению после Хивинского похода семьдесят третьего года, не рисковал выражать недовольство открыто, ограничиваясь взглядами исподлобья и придирадками. Однако со временем Фомич смягчился – студенты оказались недурным источником дохода. Возвращаясь порой за полночь, они исправно отдавали недовольно бурчащему дворнику, открывавшему ночным гулякам ворота, свои кровные алтыны и пятаки.

Николенька поздоровался с господами студентами и пробежал было мимо них, как вдруг замер, как вкопанный.

Во дворе появилось что-то лишнее. Николенька сразу даже не понял, что именно. Просто глаз зацепился за что-то, чего быть не должно, да так крепко, что мальчик с разбегу замер на месте.

Подворотня. Даже не подворотня, а темный тоннель в свежоштукатуренном простенке, в паре шагов за спинами сидящих на лавочке. Темный проход, в глубине которого проглядывала ажурная вязь кованой железной калитки. Словом – ничего особенного, обычное дело для любого московского дворика.

Но еще вчера этого тоннеля не было! Совсем! И Николенька знал это наверняка. Там, где возник непрошенный элемент интерьера, как раз и стояла та самая скамейка, на которой бурно дискутировали студенты. Это сейчас они вытащили ее почти на середину двора, на самое солнышко, чем и

вызвали недовольство Фомича, – но вчера-то она была там, у стены, рядом с заросшим травой штабелем досок!

– Фомич, а Фомич!

– Чего вам, барин? – Дворник прекратил шваркать метлой по брусчатке и обратил благосклонное внимание на Николеньку. Ни один мальчишка с Гороховской ни за что не посмел бы обратиться к Фомичу столь фамильярно – сорванцам внушали уважение и казенная бляха поверх фартука, и тусклая серебряная медалька «За Хивинский поход» с витиеватым вензелем Александра Освободителя, которую Фомич носил, не снимая.

– Фомич, а Фомич! Что это за новые ворота?

– Какие ворота, барин? Не новые они, а старые, тока покрашенные. Василий Петрович распорядился. – И, удовлетворив любопытство бестолкового барчука, Фомич опять взялся за метлу – шшух, шшух, шшух...

Так, выходит, Фомич не заметил «лишней» подворотни? Это Фомич-то, который в лицо знает каждую травинку на вверенном ему дворе? «Все чудесатее и чудесатее», как говорила девочка Соня, оказавшаяся в царстве Дива, – книгу с этой волшебной историей Василий Петрович подарил на прошлый день ангела кузине Николеньки, четырнадцатилетней Марине.

Но сейчас Николеньке было не до литературы. Во дворе появилась некая загадка, и с ней следовало немедленно разобраться. Тетрадь по латыни, находка под плинтусом, даже

перспектива попасть в кондуит – все было забыто. Николенька воровато оглянулся на окна – а вдруг тетя Оля стоит и наблюдает, не застрял ли племянник во дворе, вместо того чтобы торопиться в гимназию? Но на этот раз любимая тетушка не проявила обычной бдительности, так что, обойдя скамейку со студентами, Николка подошел к загадочной подворотне. Нет, решительно она была не на своем месте! И трава, отделяющая подворотню от всего пространства двора, тоже была неправильной – такой впору расти у стенки, а здесь она должна быть вытоптана... и тянуло из подворотни чем-то неприятным. Сыростью оттуда тянуло, да так отчетливо, что мальчик поежился, хотя стоял на ярком майском солнышке, – и невольно обернулся.

Все было как обычно. Компания Васютина бубнила на скамейке что-то свое, студенческое; утреннее солнце заливало двор лучами, мерно шваркала метла Фомича – шшух, шшух...

И Николенька шагнул в кроличью нору.

Глава 2

То, что Николка остался жив, не назвать иначе как чудом. Когда Николенька, пройдя сквозь сырую подворотню, ступил на тротуар, он в первый момент ничего не понял, – а ноги по инерции пронесли его еще несколько шагов. Мальчик споткнулся на бордюрном камне и, пытаясь удержать равновесие, совершил унижительную пробежку вперед, и тут...

Что-то огромное, пронзительно воя, пронеслось вплотную к мальчику, обдав его отвратительным смрадом. Николка отпрянул, вновь споткнулся о проклятый бордюр и с размаху въехал в кого-то ранцем. Упасть ему, впрочем, не дали – мальчик получил чувствительную оплеуху в сопровождении крепкого ругательства, отпрянул – и с трудом увернулся от другого ревущего чудовища.

Пронзительный визг, скрежет, толчок... Николку швырнуло вперед, и он полетел куда-то, под вой сирен и истошный женский вопль: «Ребенка задавили!»

Гимназисту повезло. Разминувшись на какой-то миллиметр с бампером серебристого «ауди», он угодил прямиком под следующий за нею микроавтобус, – но, на счастье, водила потрепанной мосгазовской «буханки» успел каким-то немислимым усилием затормозить. Так что мальчик лишь получил дополнительное ускорение, вылетел на тротуар и бросился бежать, оставляя за спиной визг тормозов, крики

прохожих и матюги ошалевших от ужаса водителей.

Николенька остановился только в третьем по счету дворе. Два первых он проскочил, не задержавшись, шарахаясь от экипажей, загромоздивших обочины, оскальзываясь на сером монолите, которым, как коркой, была покрыта земля. Но стоило влететь в тихий, самого обычного вида дворик, как силы оставили мальчика. Николка без сил рухнул на маленькую скамеечку и принялся озираться по сторонам.

Приютивший его дворик казался обыкновенным лишь на первый взгляд. Стоило приглядеться – и тут же обнаруживались несообразности. Двор был вымощен подозрительно аккуратными шестигранными плитами. Небо над ним во всех направлениях пересекали какие-то проволоки; возле окон красовались несуразные белые тарелки с яркими эмблемами и буквами латинского алфавита.

А вывески?! Большие, непривычно яркие, некоторые даже светились. Николенька вроде и понимал, что надписи на них – слова знакомые, но повсюду отсутствовала буква «ять». И не только она – положенной в конце многих слов буквы «ер» Николка тоже не разглядел.

Засмотревшись, мальчик не сразу заметил двух девушек, вышедших из соседнего подъезда. Николенька было дернулся к ним, но, приглядевшись, предпочел не трогаться с места. Да что там – будь его воля, он растекся бы по спинке скамейки, сделавшись понезаметнее.

Вид у девиц был совершенно диким. Первая щеголяла в

неприлично коротком платье, оставлявшем ноги открытыми куда выше колен, но вот вторая... она напоминала чудище из кошмарных снов. Хотя ТАКИЕ сны Николке еще не снились, и слава богу, а то каждый раз мальчик просыпался бы в холодном поту. С ног до самой шеи девица была затянута в черную лаковую кожу. Одежда эта (короткий жилет и неестественно узкие штаны) была усеяна множеством блестящих пуговиц, заклепок и каких-то рифленых металлических змеек. На шее девицы красовался собачий ошейник, ошестинившийся острыми шипами в полдюйма длиной. На голове же... нет, не прическа. Скорее уж – патлы ядовито-зеленого и желтого цветов; они торчали во все стороны самым беспорядочным образом. Лицо... Николенька только взглянул этому пугалу в лицо – и тут же отвел глаза. Надо сказать, в семье Овчинниковых суеверность никогда не была в почете, но тут мальчика неудержимо потянуло то ли перекреститься, то ли сплюнуть через левое плечо: в ноздрях девицы тоже красовались шипы. Они, правда, были поменьше, чем те, что на ошейнике, но торчали прямо из живого тела! Нижнюю губу девицы украшали металлические кольца, а два других были продеты в брови. Ухо... это было самое отвратительное. В мочку, разросшуюся до противоестественных размеров, вросло блестящее металлическое кольцо. Именно вросло – на манер люверса, железного кольца, вшитого в угол паруса. Кольцо было здоровенным – в него можно было продеть два пальца. Руки и шея существа (Ни-

коленька уже не решился бы называть ЭТО женщиной) были покрыты густой вязью рисунков жуткого содержания. Череп, оскаленные пасти, рогатые сатаноиды, зловещие иероглифы, то ли змеи, то ли драконы, оплетающие руки...

Тем временем зеленоволосая шипастая образина повернулась к мальчику – глаза у нее оказались неестественного ярко-зеленого цвета! – и выдало:

– Эй, чел, че уставился? Типа, я напрягаю, да?

Это было уже слишком. Чуть ли не завывая от ужаса, Николенька сорвался со скамейки и кинулся прочь – куда глаза глядят, только подальше от этого кошмара...

* * *

– Полегче, юноша! Так ведь и шею свернуть недолго!

Николенька отчаянно извивался, пытаясь вырваться из ловушки, коварно подсунутой судьбой. Вылетев из двора, мальчик нос к носу столкнулся с каким-то господином. Тот успел среагировать – и перехватил Николеньку, прежде чем мальчик врезался головой ему в живот. Взяв несчастного гимназиста за плечи, незнакомец рассматривал его – слегка насмешливо, но по-доброму, заинтересованно.

– Смотри, Вань, какой любопытный персонаж!

Доброжелательный господин был не одинок. Его попутчиком был подросток лет четырнадцати-пятнадцати, почти на голову выше Николеньки. Сам господин сразу вызвал у гим-

назиста симпатию – хотя бы тем, что не носил ни шипов, ни ошейников, а был облачен в приличный костюм, даже при шляпе и трости. А вот платье мальчика вызывало у Николеньки оторопь. Яркая красно-белая куртка, распахнутая на груди, под ней – сорочка без воротника и пуговиц, с изображением какого-то чудища, синие, протертые на коленях до белизны штаны – ничего похожего гимназист никогда не видел. И притом в глазах мальчика ясно читалось удивление; да и старший его спутник смотрел на Николеньку – как энтомолог на редкостную жужелицу.

– Скажите-ка на милость, юноша, с чего это вам пришло в голову гулять по Москве в форме царской гимназии? Смотри, Иван, даже ранец правильный. Можно вашу фуражку, молодой человек?

Николенька хотел возразить – а в чем ему, гимназисту, ходить по улицам? – но не смог выдавить из себя ни звука. Горло было забито пылью, он не понимал ровным счетом ничего из того, что творилось вокруг. Так что мальчик молча протянул любопытному господину смятую гимназическую фуражку. Тот взял ее, расправил и протянул своему юному спутнику.

– Вот это я понимаю – внимание к деталям. Видишь кокарду? Нашим бы реконструкторам такую дотошность...

Мальчик взял фуражку и с интересом повертел ее в руках. Над блестящим лаковым козырьком красовалась, как и положено, кокарда белого металла – две скрещенные веточ-

ки, увенчанные тремя острыми листиками. Между веточками чего-то не хватало; приглядевшись, можно было различить металлические заусенцы – как будто бы часть кокарды, крепившаяся между листиками, была безжалостно выломана.

– А чего такого тут, пап? Кокарда как кокарда... только поломана. Чего в ней особенного?

Николенька недоумевал. Поломана? Да кто он такой, этот мальчишка, что не знает самых простых вещей? Он вообще в Москве живет или где? Николенька совсем было собрался вставить свое слово, но доброжелательный господин успел первым:

– Так и бывает, когда учишь историю по популярным изданиям. Чтобы ты знал – в этой «поломанной» кокарде больше достоверности, чем в мундире иного кавалергарда из числа тех, что говорят по мобильникам, не слезая с седел. И не поломана кокарда, а приведена в соответствие с обычаем. Верно, молодой человек?

Николенька торопливо кивнул, а господин продолжил:

– Здесь вообще-то должен был быть номер гимназии – латинскими цифрами. Но любой уважающий себя гимназист этот номер выламывал. Мера предосторожности: случись что, по кокарде городской или гимназической инспектор мог определить, из какой ты гимназии. Так что любой, сохранивший кокарду в целости, подставлялся сам и подводил своих товарищей. Помнишь «Кондуит» Кассиля? Так

там, когда мальчик пришел в класс, у него тут же кокарду выломали.

Ваня кивнул, повертел фуражку в руках и вернул ее Николеньке.

– Круто ты прикинулся. В каком-нибудь клубе состоишь, или это вас в школе так ходить заставляют?

– Простите... прикинулся кем? И в каком клубе? – Наконец-то Николенька сумел выдать из себя что-то связное. – Вы, наверное, меня не за того приняли. Меня зовут Николака, я...

– Ну да, как младшего Турбина. Отлично играете свою роль, юноша, только вот мы сейчас не на сцене, не так ли? Ну хорошо, мы-то люди привычные, а другие могут и не так понять. Впрочем, простите, мы не представились, – и господин слегка поклонился, приподняв шляпу: – Меня зовут Олег Иванович Семенов. А этот молодой человек – мой сын Ваня.

Николенька смог только выдать из себя:

– Очень приятно, – и неловко поклонился в ответ и шаркнул ножкой. Что вызвало у вежливого господина улыбку, а у его юного спутника – ехидный смешок.

– А все же – откуда вы, если не секрет? – продолжил Олег Иванович.

– Я... это... тут, на Гороховской живу, рядом... заблудился, а потом такая, зеленая, с шипами...

– Хорошо хоть не бледная, с косой, – ответил Олег Ивано-

вич. Ваня же хихикнул, как будто отец сказал нечто необычайно смешное, а тот тем временем продолжил: – Гороховская, значит? Что-то я такой улицы не припомню, хотя вроде знаю здешние края...

– Да нет, это рядом совсем – надо идти от Земляного Вала до Гороховского переулка. Здесь рукой подать, мы на углу живем, – заторопился Николенька, но новый знакомый в очередной раз его прервал:

– То есть на Казакова? Так бы и говорили. Это и правда в двух шагах. Как вы тут заблудиться сумели?

– Я... мне... а куда... – Николенька вновь запнулся. Беседа с Олегом Ивановичем и Ваней заставила его на минуту забыть о том, что с ним произошло. Но теперь все это – и незнакомо-знакомые улицы, полные рычащих четырехколесных монстров, и дворы, в которых шастают другие монстры, издали напоминающие людей, но с растущими из кожи стальными шипами; и повсюду – безграмотно написанные вывески с диким содержанием... все эти несчастья опять навалились на гимназиста. Он припомнил, что прошел уже час, а он все еще ничегошеньки не понял и, похоже, уже не поймет. Нервы у Николеньки не выдержали, и он, вцепившись в рукав нового знакомого, самозабвенно зарыдал.

Что было дальше, Николенька не сумел бы вспомнить ни за какие коврижки. Вроде он что-то захлеб говорил; потом они втроем куда-то шли... в память врезался эпизод: они с Ваней и Олегом Ивановичем стоят рядом со странной про-

зрачной коробкой без боковых стенок и со скамейкой внутри. На стенке – яркая афиша: почти совсем раздетая девушка на фоне пальм и странного, стремительных обводов, парохода, а поверх всего этого надпись: «Курортный сезон 2014 года в Крыму».

Да, действительность оказалась страшнее зелено-патлатой девицы с шипами на лице. По словам новых знакомых, вокруг Николеньки была Москва две тысячи четырнадцатого года; а значит, с того момента, когда мальчик шагнул в коварную подворотню, прошло ни много ни мало – сто двадцать восемь лет! Поверить в это было невозможно. Но ничего другого мальчику не оставалось. А как иначе объяснить то, что творилось вокруг? Откуда взялись эти вроде знакомые, но ставшие в одночасье неузнаваемыми улицы, по которым катят разноцветные экипажи без всякого признака лошадей? А тяжелый смрад, разрывающий легкие? А люди в странных, порой вызывающих одеждах? Шум вокруг... а какие тут дома! Некоторые были невероятно высокими – таких Николенька не видел ни в Москве, ни в родном Севастополе.

Тем не менее, мальчик уже успокоился. Выплакавшись и выговорившись, он почти взял себя в руки и попытался членораздельно отвечать на вопросы новых знакомых. И сразу осознал: ему не верят! Нет, вопросы Олега Ивановича были вежливыми и корректными, но в них явно сквозила ирония. Что до его сына – Ваня откровенно развлекался, давая понять, что Николенькины рассказы – не более чем розыгрыш.

А ведь мальчик так старался, чтобы ему поверили! Он вдруг осознал, что отец и сын – его единственная надежда в этом страшном, чужом мире. И если Олег Иванович и его сын Ваня сейчас попрощаются и отправятся своей дорогой, Николеньке останется одно – пропадать.

Впрочем, новый знакомый, кажется, не собирался бросать мальчика. Наоборот – Олег Иванович, в который уже раз, терпеливо выслушивал сбивчивый Николенькин рассказ, как вдруг его прервала мелодичная трель.

Новый знакомый, жестом попросив мальчика подождать, полез в карман и извлек на свет божий маленькую плоскую коробочку. Она-то и издавала странные звуки. Олег Иванович сделал что-то с коробочкой, поднес к уху – и, к удивлению Николеньки, заговорил, будто беседовал с невидимым собеседником.

– Да, Владимир Георгиевич, я. Нет, не отменяется. Простите, у меня тут образовался небольшой форс-мажор. Нет, буду минут через десять. Не стоит, я в ваших краях, как раз подхожу к редакции.

Олег Иванович отнял коробочку от уха, опять сделал с ней что-то, отчего она отчетливо пискнула, и вновь обратился к мальчиком:

– Так, молодые люди, у меня тут образовались срочные дела. Так что придется на время вас покинуть. Ваня, проводи нашего нового друга до дому. Адрес помнишь?

Ваня кивнул, и Олег Иванович уже обратился к Николень-

ке:

– Что ж, юноша, был рад знакомству. Надеюсь, все уладится и мы еще сможем как-нибудь побеседовать. Должен отметить, у вас на редкость богатая фантазия и недюжинные актерские способности. – И опять Ивану: – Не забудь взять у парня координаты и позвони, как доберетесь до места. Закончу дела в журнале – встретимся и зайдем в «Макдональдс». Договорились?

Николенька торопливо кивнул, а Ваня уже дергал мальчика за рукав:

– Ну что, пошли? Тут недалеко, по дороге и поговорим.

И вот, распрощавшись с милейшим Олегом Ивановичем, несчастный гимназист отправился я вслед за Ваней, изо всех сил стараясь не шарахаться от странно одетых людей и проносящихся возле самого тротуара самоходных экипажей.

Дорога до дома на Гороховской (то есть на улице Казакова – так, кажется, назвал улицу новый знакомый?) заняла совсем немного времени. Николенька даже удивился – как недалеко он успел уйти за эти страшные полчаса! Поворот, переулок, два квартала вдоль тихой улицы – и вот он, нужный дом! Николенька не уставал удивляться сам себе. Всего-то около часа прошло с тех пор, как он несся этими самыми дворами, с выпученными от ужаса глазами, ничего вокруг не замечая. А сейчас – уверенно идет по улице города будущего (ну, не совсем уверенно, честно говоря, – откуда взялось бы это чувство, не будь рядом Вани?), с любопыт-

ством рассматривает «автомобили», как называют эти само-
движущиеся экипажи, изучает яркие плакаты и вывески...

Нет, решительно Николенька мог гордиться собой! Особенно если учесть, что он еще и успевал задавать своему про-
вожатому тысячу и один вопрос. Ваня охотно отвечал, но
насмешка в его голосе ощущалась вполне. Николенька по-
нимал, что его спутник так до конца ему и не поверил – и
теперь находит удовольствие в том, чтобы подыгрывать со-
беседнику, зачем-то валяющему дурака. Игра эта Ваню за-
бавляла, и он охотно принял тон, предложенный несчастным
гимназистом.

Дом номер девять по Гороховской улице (то есть архитек-
тора Казакова) стоял на своем месте. Но нельзя сказать, что
он совсем уж не изменился. Цвет теперь был не темно-жел-
тым, а каким-то салатovým; фасад же изрядно облупился. На
окнах первого этажа появились решетки, а сам фасад был
изуродован какими-то щелястыми серыми ящиками. Ваня
называл их «кондиционеры» и даже объяснил, для чего они
служат, – но Николенька пропустил объяснение мимо ушей,
рассматривая на рекламном плакате размахивающего ору-
жием монстра.

В общем, дом был тем самым. Да и подворотня, на пер-
вый взгляд, почти не изменилась. Добавились, правда, ка-
кие-то корявые, размытые разноцветные надписи дикого со-
держания и непонятные символы... но мальчику было уже не
до них. Со всех ног он кинулся во двор... и замер, как вко-

панний. Во дворе не было ничего хоть отдалено знакомого – серый монолит вместо брусчатки, хилая клумба, уродливые крылечки где надо и где не надо. Посреди двора – пять «автомобилей» и какие-то дурно пахнущие баки. Так, похоже, в будущем выглядела помойка.

– Ну, и где здесь твой девятнадцатый век? Ладно, признавайся, что все выдумал. Классно сыграно, кстати, ты талант. Мы с папой чуть не поверили...

Это было невыносимо! В отчаянии Николенька обернулся к насмешнику. Увидев в глазах товарища самое настоящее, неподдельное горе, Ваня поперхнулся очередной колкостью:

– Ну, ты что... ладно, я так, не бери в голову. Счас найдем, где ты живешь. А давай дом обойдем – может, тебе в другой подъезд, или вообще в соседний дом? Мог ведь ты с адресом что-то напутать, верно? – И с этими словами Ваня увлек мальчика назад, на улицу.

И надо же – Ваня как в воду глядел! Не успели они сделать вдоль фасада и десятка шагов, как загадочная подворотня нашлась. Причем она и здесь была не на месте; и точно так же из нее тянуло сыростью и холодом. И таким пугающим был этот холод, что Николенька остановился в двух шагах от цели, к которой только что стремился всеми силами.

– Ну вот, кажется, пришли... – неуверенно сказал мальчик. – Мне, кажется, сюда...

– Туда, говоришь? И правда, странное местечко... – И Ваня поковырял ногой кромку асфальта. Подобно траве на

«той стороне», асфальт тоже заканчивался как-то... неправильно. Он обрывался идеально прямой линией: ни трещин, ни щелей. А за обрезом начиналась плотно утоптанная земля, тоже какая-то странная: ни нежной майской травки, ни мелкого мусора, ни даже камешков. Но делать было нечего, и Николенька постарался унять внутреннюю дрожь:

– Да, точно, туда. Ну что, пошли? – и первым вошел в темный зев загадочной подворотни.

Наверное, ни один приговоренный к казни и помилованный в последний момент преступник не чувствовал такого облегчения, какое испытал Николенька. Милый, знакомый до слез двор! Фомич со своей метлой! При виде дворника Николеньке захотелось тут же броситься и расцеловать его. И Васютин в компании двух студентов, и вороха брошюр! И тетя Оля – такая домашняя и родная – идет через двор с кошелкой в руке.

– Тетенька, дорогая! – Николенька бросился к ней со всех ног – и с разбегу зарылся лицом в ткань капота. Мальчик испытывал не просто облегчение: ему казалось, что он проснулся после тягостного ночного кошмара, который изводил его всю ночь и никак не отпускал, – и вот наконец пришло блаженное пробуждение, после которого утро кажется таким ярким и прекрасным...

Тетя Оля была немало удивлена:

– Николя, что это значит? Ты уже вернулся из гимназии? Но стоило женщине взглянуть в лицо мальчика, увидеть

заплаканные, полные страха глаза, как она сменила гнев на милость.

– Вот что, мон шер, ты немного не в себе. Пойдем домой, я тебе чаю налью. – И с этими словами тетя увлекла Николку в подъезд. Мальчик шел за ней и буквально ощущал, как страшный мир будущего за спиной стремительно растворяется, тает, превращается в ночной морок.

Уже на лестнице, у самой двери в квартиру, Николенька вспомнил о Ване. Как он мог, вот так, просто, за здорово живешь, позабыть о человеке, который, считай, спас его из ужасной передрыги? Николеньку пронзила ужасная мысль: а что, если Ваня застрянет тут, в его времени? Наверное, мальчику будет ничуть не легче, чем было Николеньке в веке двадцать первом? Хотя, конечно, зеленоволосых девиц тут нет. И, буркнув: – Щас, теть Оль, я на минутку... – Николенька мухой слетел по лестнице и выскочил на двор.

Но там не было никого, кроме Фомича да давешней компании студентов. Николенька поискал взглядом загадочную подворотню – она-то никуда не делась, – но и там Вани не оказалось.

«Вот и славно – значит, ушел, вернулся к себе, в свой непонятный век», – решил Николенька и с легким сердцем потопал вверх по лестнице. Несмотря на огромное облегчение, мальчик чувствовал себя совершенно разбитым. Ему хотелось одного – уклониться от расспросов тетки и спрятаться в своей комнате.

Глава 3

Надо же, какая подстава! И где – посреди Москвы, среди бела дня, двенадцатого мая, вполне спокойного две тысячи четырнадцатого года!

Когда шагнул в подворотню за новым знакомым, я не ожидал такого сюрприза! Эта встреча с как-бы-гимназистом была похожа на дурацкий розыгрыш, на шутку в стиле ролевиков. Ну ладно – а вы бы на моем месте что подумали? Сначала на улице к нам с отцом бросается паренек в гимназической форме девятнадцатого века, устраивает истерику, рассказывая то о зеленоволосых шипастых упырях, то о возникающих на пустом месте подворотнях. Потом, успокоившись, сообщает, что он, оказывается, прибыл – и откуда бы вы думали? Прямым из Москвы одна тысяча восемьсот восемьдесят шестого года. Вот-вот, и я так решил. Еще одна жертва популярности жанров «городское фэнтези» и «историческая альтернатива». Что я, спятивших ролевиков не видел? Ну, положим, совсем спятивших не видел, а вот тех, кто уже на подходе, – случилось, и не раз.

Дело в том, что отец был в числе тех, кто четверть века назад, в далеком девяностом дал старт ролевому движению в России. Тогда ролевиков еще называли «толкиенистами». Сейчас он уже лет семь как отошел от прежних увлечений, найдя другое хобби – историческую реконструкцию на-

полеоники. Но старые знакомые отца нередко бывают у нас. Да и на Бородино, куда мы ездим уже года четыре подряд, хватает ролевиков – как бывших, так и действующих. Правда, не каждый из них в этом признается.

Хотя, конечно, тринадцатилетние среди них редкость; наши знакомые инвалиды ролевого движения – все в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти лет включительно. Ну-ну, это я так шучу. На самом деле эти люди мне вполне симпатичны, да и отец трепетно к ним относится.

Так вот не был похож тот парнишка-гимназист на ролевика! Мне бы сразу задуматься о том, что здесь что-то явно не так, – но нет. Решил, понимаешь, подыграть – вот и доигрался.

Короче. Когда вышел на солнечный свет из затхлой подворотни, я ничего не заподозрил. Поначалу. Ну подумаешь – двор как двор. Компания с книжками, женщина, дворник вон метет, старается... СТОП! Дворник? Интересно, когда же это я в последний раз видел такого дворника – словно из повестей Катаева об одесском мальчике Пете? Бляха, медалька на кафтане... или зипуне? Убейте меня, не знаю, как называется этот балахон. Да и не в зипуне дело – скажите, вы давно видели в Москве дворника – не таджика? Вот и я не припомню. А это был не таджик. Такому лубочному славяно-арию место на картине Васнецова. Ну, на той, где три богатыря – на заднем, значит, плане, с совочком и метелочкой, навоз подбирать...

Да и не в одном дворнике дело. Сам двор... ешкин кот, мы же только что в нем были! Вон в ту подворотню вошли, рядом, метрах в десяти. Там еще серебристый «Ленд Ровер Дискавери» стоял, а рядом «мазда» синяя, а дальше – помойка. Да и двор ни с того ни с сего вымощен булыжником – и не аккуратно, как сейчас делают в центре, а кое-как, тят-ляп, сикось-накось. Вон даже трава между камнями проросла...

А пацан-то обниматься к женщине бросился, кричит что-то, того гляди опять зарыдает... А женщина – это что, теперь так ходят? Ну, шляпка – ладно, ретро всегда в моде, а вот как насчет юбок до земли и корзинки? А эти типы на лавочке? По виду студенты, но почему они в мундирах?

В общем, я все это прикидывал – а сам нащупывал лопатками спасительную подворотню. И не нащупал – подворотня, через которую я, вслед за гимназистом, попал в этот насквозь подозрительный двор, куда-то делась. И за спиной у меня была только ровная, оштукатуренная стена. Не знаю уж почему, но я боялся даже выдохнуть. Ну, в точности как на страйкбольном выезде – когда крадешься вдоль стены в здании и видишь спины стрелков у окон. Они тебя пока не видят, но стоит хрустнуть трухлявой доске под берцем – и разом обернутся, окатят белой клюквой. И ты, как во сне, медленно-медленно поднимаешь привод – и никак не можешь поднять...

На улицу я выскочил через другую подворотню – ту, куда мы с Николкой зашли в первый раз. Не знаю, что удержало

меня от того, чтобы нырнуть в нее перекатом, – видимо, я так накрутил себя, что на полном серьезе ждал выстрела вслед. Ерунда, конечно. Отец о таком говорил: реакция психики на полную неожиданность. Моторика, значит... ведь я толком даже единоборствами не занимался – так, год секции айкидо в четвертом классе. А вот страйкбол давал о себе знать, включая в нужный момент наработанные тренировками рефлексy. Это как опытный фехтовальщик в минуту опасности всегда будет нащупывать эфес у бедра.

В общем, ушел я без пыли и шума. Никто ко мне даже не обернулся; а в подворотне я чуть не сбил с ног еще одного типа – так стремительно выскочил на улицу.

Зря, как выяснилось, я торопился. Ничего хорошего на улице меня не ожидало. Асфальта не было – все та же корявая булыжная мостовая. Вместо машин – одинокая коляска, влекомая меланхоличной клячей, на углу стайка мальчишек в нелепых картузах, полицейский... Нет, не привычный московский в черном бронеке, кепи-бейсболке, при металлоискателе, «макаре» и наручниках. Если бы! Да я бросился бы к такому, размазывая слезы счастья по физиономии и умоляя отвести к маме. Но – увы. Местный страж порядка оказался необъятным дядей в белом кителе и фуражке, укрытой белым же полотняным чехлом. На одном боку у него красовалась то ли сабля, то ли шашка (память услужливо подсунула слово «сеledка»), а на другом – монструозных габаритов револьвер. Следовал этот служитель закона по противополож-

ной стороне улицы, степенно раскланиваясь с обывателями. А ведь если он сейчас обернется и увидит меня – будут проблемы!

Не то чтобы я вот так, сразу прозрел и осознал, что я уже «там». Просто в голове встал на свое место последний кусочек паззла. И все то, что рассказывал гимназист – Николка, кажется? – и все то, что я увидел в «нехорошем» дворе, сложилось в единую картину. Выходит, парнишка не врал? А я-то, идиот, еще подкалывал его! Отлились кошке мышкены слезы...

Получается, он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** пришел из девятнадцатого века! А теперь вот вернулся – уж не знаю как. А я сдуру сунулся за ним – и оказался в его времени. Только бегать по дворам, размазывая слезы, я не собираюсь. Не то воспитание.

Городовой (так, кажется, они называются?) величаво проследовал мимо. И не обратил на меня никакого внимания – видимо, не счел достойным. А скорее всего, просто не заметил – уж больно вызывающе по местным меркам я был одет. Приглядишься страж порядка ко мне повнимательнее – все, пришлось бы уходить огородами и со стрельбой. А так как отстреливаться я могу разве что из ключей от квартиры, то лучше пока назад, в подворотню – бочком, бочком, вдоль стеночки, пока никто не заметил... А там – найду этого поганца в гимназической форме и спрошу насчет дурацких шуточек с путешествиями во времени.

– Добже, шановни пан! Ще Польска не сгинела!

Этого только не хватало! Какой-то тип, стоя в рост в проежающей коляске, призывно размахивал котелком и орал мне что-то на языке Сенкевича и пана Пилсудского. Физиономия типа выражала целую гамму чувств – от неподдельного патриотизма до бурной радости; так что я сразу сообразил, в чем дело.

В прошлом году мы с отцом на Бородино пообщались с поляками. Нет, не с нашими реконструкторами, из улан герцогства Варшавского или Висленского легиона², – а с натуральными, природными, так сказать, пшеками. Отец вообще равнодушен к этой стране, а если уж находится общая тема – кавалерия там, Бонапарт или сабельное фехтование – то все, тушите свет. В общем, после знакомства на память ему остался шрам над бровью (а нечего фехтовать ночью, да еще и подшофе), а мне – очень даже недурная куртка красно-белой кожи с фундаментальным, в байкерском стиле, рельефным белым орлом на спине. Вот этот элемент дизайна и разглядел польский патриот, так некстати оказавшийся на Гороховской. И не сиделось ему в Варшаве, на какой-нибудь там Маршалковской...

Все это я додумывал уже на бегу. О спасительной подворотне пришлось пока забыть. Во дворе околачивался дворник казенного вида, да и вообще – не стоило светить перед местными правоохранителями то место, откуда, в теории, оставалась надежда попасть в родной двадцать первый век.

К тому же двор тот был замкнутым, в форме квадрата. За-
скочишь внутрь – и все, как в мышеловке. Так что я рванул
в другую сторону.

Я все ждал, что за спиной вот-вот раздастся трель поли-
цейского свистка, – но, видимо, бежал слишком быстро, звук
за мной не успевал.

А если серьезно – никто за мной не гнался. Видимо,
вопли нехстати подвернувшегося поляка городской оставил
без внимания. Или другой вариант – местный держиморда
предпочел разбираться не с шустрым подростком, а с паном
патриотом Речи Посполитой, который, конечно, не догадал-
ся сбежать и сейчас расхлебывает неприятности. И правиль-
но, между прочим, – какая еще там «Ще Польшка не сги-
нела!»? Нету такого файла. И «Польски» вашей нет, между
прочим... пока, во всяком случае. И еще лет тридцать как
не будет.

Ладно, бог с ней, с Польшей. Делать-то что? Понятно,
что возвращаться на Казакова... Гороховскую то есть, пока
не стоит. Мало ли что там делает этот городской! А вдруг
там уже облаву устраивают – на предмет, скажем, изъятия из
оборота опасных польских эсеров? Впрочем, эсеры, кажет-
ся, позже были... то есть будут. Короче, туда пока нельзя.

Оставалось поискать тихое местечко. Это ведь я бодрюсь
– а на самом деле мне было страшно до чертиков, и весе-
литься что-то не тянуло. А вы попробуйте вот так, с ходу, по-
пасть в прошлое – думаете, сможете хладнокровно рассу-
ж-

дать? Как бы не так, это я вам как доктор говорю. Ну, то есть как лично пострадавший. Это ведь только в книжках про попаданцев главный герой погрузит – и потом с полным бесценной информации ноутбуком к Сталину, секреты фашистские да американские раскрывать. А мне и идти не к кому, Сталин сейчас в семинарии учится... или я времена попутал? В общем, некуда мне идти и нечего раскрывать. Да и не хочется что-то.

Нет, кое-что у меня имелось. Не ноутбук, разумеется, – планшет. Верный айпад, наполненный не бесценной информацией, способной перевернуть ход местной истории, а фильмами и художественной литературой. Ну и играми, конечно. Кстати, как там мой планшет? Смотрите-ка, работает – хотя, конечно, «Сеть не определяется». Ну еще бы, откуда ей взяться...

Домой мне надо, вот что. Раз Николенька сумел найти дорогу назад – то и я сумею. Ну не может же быть этот проход одноразовым! И, как минимум, два раза он сработал. Первый раз – когда Николка к нам попал, а второй – когда обратно вернулся. Значит, и третий раз может сработать?

Стоп, а в этом что-то есть. Если спокойно, без нервов – получается, что гимназист – сам по себе вроде ключа. И портал этот (так, кажется, принято называть проход между мирами?) действует только в его присутствии. Ведь когда он в наше время попал – портал сработал? Сработал. И когда обратно возвращался – сработал тоже, и еще как. Причем и для

него, и для меня. А все потому, что я сразу за ним шел, верно? Это потом портал исчез – когда я поотстал, рассматривая дворника. Получается, если бы я вошел в портал не сразу за ним, а шагах, скажем, в пяти-шести – то просто разбил бы нос о стенку дома. Ну, помните эпизод из Гарри Поттера, когда они пытаются пройти на скрытую платформу на лондонском вокзале? Вот-вот, что-то в этом роде. Значит, мы оба прошли через портал, Николка ушел вперед – вот портал и закрылся; спасибо, хоть выйти я из него успел.

И тут я осознал, что был в шаге от смерти, – ну шагах в двух-трех, если быть точным. Нет, серьезно – кто знает, что было бы, не успею я выйти из той подворотни ДО того, как она схлопнулась? Остался бы вмурованным в стенку? Или кишки мои по межвременному континууму... или что там у нас между временами? Не знаю. И проверять не тянет.

Значит, план вырисовывается. Жду для верности час-полтора, потом возвращаюсь во двор, а дальше – по обстановке. В конце концов, дом небольшой, квартир на десять-пятнадцать, не больше; как зовут гимназиста, я знаю, как-нибудь найду. Ну, может, покараулить придется, но ничего, куда он не денется. А там уж, если мои рассуждения окажутся верны, то он и проведет меня на нашу сторону портала.

Увы – моим надеждам было суждено разбиться об уродливую действительность. Помните, я опасался полиции? Зря. Я и понятия не имел, что главная сила, ни на миг не перестающая бдиль и охранять мирный сон граждан Российской Им-

перии, – это никакая не полиция, а дворники. И стоило мне сунуться в знакомый двор, как я нос к носу столкнулся все с тем же персонажем в фартуке и с метлой. Только на этот раз дворник меня очень даже заметил. И если вы думаете, что обрадовался гостю, – то зря.

Нет, куртку я, конечно же, снял. То есть хотел снять – но вовремя сообразил, что под ней и решил не смущать мирных обывателей 1886 года видом космодесантника-изгоя, увешанного черепами по самое «не могу». Нет уж, не надо. Судя по реакции нашего друга на готическую девицу с пирсингом – могут не понять. Так что я надел поверх футболки пшековскую куртку, предварительно вывернув ее наизнанку. Видок получился тот еще – но теперь я хотя бы не светился на всю улицу как три тополя на Плющихе.

Но – увы, бдительному дворнику я и в таком виде не внушил доверия. С воплем «Куды прешь, храпоидол?» он загородил мне дорогу, взяв наизготовку пиломеч... то есть метлу. А так как адекватного ответа у меня не имелось, пришлось применить навык «дипломатия». Причем без видимого результата. Не прокачан он у меня, что ли? В общем, угрозы на бдительного дворника не подействовали, приходилось идти на прорыв. То есть отодвинуть заслуженного (судя по медальке на груди) работника метлы в сторону и пройти в вожаденный двор.

С тем же успехом я мог бы попытаться сдвинуть КВ с выбитым модулем «двигатель». Мало того – дворник тут же от-

реагировал на мою агрессию. Нет, он не стал лупцевать меня метлой или гонять по двору пинками. Чертов бородач поступил куда коварнее – мозолистыми пальцами сцапал меня за ухо. Причем проделал это с ловкостью, говорящей о немалом в этом некрасивом деле опыте.

Вам когда-нибудь крутили уши? Поверьте на слово – это ОЧЕНЬ больно. И вдобавок – крайне унижительно. Мне, пятнадцатилетнему лбу, без пяти минут круглому отличнику и будущей гордости школы, крутит ухо какое-то ископаемое, которого и в живых-то уже лет сто как нет! Более тупой ситуации я и представить себе не мог. В паре десятков шагов – спасение, дверь в родное время, возможность вернуться и забыть все эти коллизии, – а тут этот Илья Муромец московского разлива со своей бдительностью и метлой. А больно-то как...

Теперь этот палач крутил уже не ухо – он крутил меня самого. Крепко сжав пальцы, он водил меня как собачонку на коротком поводке вокруг себя и злорадно приговаривал: «Ну, я тебе покажу, колоброд, как лазить куды не просят...»

Одной рукой я безуспешно пытался ухватить мучителя за руку, а второй... в общем, у меня был козырь. Только не в рукаве, а в кармане. Именно его я и пытался, одурев от боли и испуга, сейчас нащупать, как вдруг...

– Фомич, что ты делаешь? Это же мой друг, мы с ним в гимназии учимся, а ты ему уши обрываешь! Пусти сейчас

же!

Бородатый супостат тут же оставил мое ухо в покое. Прикрыв многотрадальную часть тела ладонью, я отскочил, выставив перед собой тот самый козырь – немецкий перцовый баллончик. Ну, теперь сунься, метельщик хренов...

Но дворник смотрел не на меня, а на мальчишку, что бежал к нам через весь двор. Колени у меня враз подкосились от облегчения – в бегущем я узнал давешнего гимназиста. Теперь, правда, он был уже в какой-то желтоватой рубашке со смешным воротничком на пуговицах – но это точно был тот самый Николка, ради которого я и полез во двор.

– Так ить, паныч, я ж не знал, что он ваш знакомец! Вижу, лезет, охламон, во двор, не спросясь – ну и призвал к порядку. Потому как не велено. А ежели вы его знаете, то тогда, конечно, завсегда, тогда с нашим удовольствием... – И блюститель чистоты обернулся ко мне с гримасой, которая, надо полагать, должна была изображать расположение и приветливость. Ага, так я ему и поверил – ухо-то вон как болит.

Тем не менее, я буркнул «Ничего, бывает» и поспешил навстречу Николке, стараясь не выпускать дворника из виду. Мало ли что!

Глава 4

Отдохнуть Николеньке так и не удалось. Отмахнувшись от расспросов тетки, мальчик заперся в своей комнате, снял форму (увы, во время приключений в будущем она была безбожно измята) – и принялся думать горькую думу. Всюду, куда ни кинь, был клин. Во-первых, он прогулял уроки в гимназии. Это было еще полбеда – ведь домой-то он вернулся в нужное время, приключения в будущем заняли не меньше трех часов. Но вот сцена во дворе... Да, пока тетя Оля отложила расспросы – спасибо Марьяне, которая вернулась домой вся в слезах и теперь с причитаниями рассказывает тете Оле на кухне о том, как болеет сестра и что сказал доктор из околотка. Но Николенька не строил на этот счет иллюзий – объяснения давать ему придется. Вот вернется из гимназии Василий Петрович – и тетя, конечно, все ему выложит. И уж тогда придется держать ответ.

Николенька терпеть не мог обманывать тетю с дядей. И дело было даже не в воспитании. Просто мальчик точно знал, что врать не умеет. Уши тут же начинали предательски краснеть, с головой выдавая злой умысел, Николка путался, сбивался, не знал куда девать глаза...

и самое большее через три-четыре минуты признавался во всем.

А сегодня-то – в чем ему признаваться? «Дорогие тетя и

дядя, я тут вышел из подворотни и волшебным образом перенесся на сто тридцать лет вперед...»? Абсурд. Никаких доказательств того, что это поразительное путешествие и правда имело место, у мальчика не было. А так – кто ему поверит? Пожалуй, еще и сочтут, что заболел, доктора вызовут... а тут еще кузина, Маринка! Она ведь непременно все разболтает и во дворе, и в своей гимназии. Вот позору-то не оберешься!

Но ведь он ничего не выдумал, все это и правда было! И таинственная подворотня, и улицы Москвы далекого будущего, и вежливый господин по имени Олег Иванович, и его сын, Ваня! Эх, надо было прихватить оттуда что-нибудь эдакое, скажем, плакат с девицей – вот тогда бы они все увидели!

И тут до Николеньки дошло – а что, собственно, с того, что он не сообразил заpastись доказательствами? Подворотня – та самая, «неправильная», через которую он попал в двадцать первый век, – на своем месте? Ну да, конечно, куда ей деться! Николенька отчетливо помнил, что видел ее, когда искал во дворе Ваню. Ну, а раз подворотня на месте – то и путь в будущее открыт!

Правда, неясно было, почему на «лишнюю» подворотню никто до сих пор не обратил внимания. Во дворе всегда полно народу – тут тебе и Фомич, и жильцы дядины туда-сюда шастают... и тетя во двор выходила. Неужели никто не увидел загадочной подворотни и не заглянул в нее? А если за-

глянул – и пропал на той стороне? А что, вполне могло такое случиться!

Воображение живо нарисовало Николеньке трагический сюжет: студент Васютин находит таинственную подворотню, ныряет в нее... и, скажем, погибает под колесами одного из стремительных экипажей, называемых «автомобили». Или пугается, убегает, как сам Николенька, прочь от дома на Гороховской – и не может найти дорогу обратно. Это ведь мальчику повезло, и он наткнулся (в буквальном смысле) на таких милых людей, которые приняли участие в его судьбе. А если бы не наткнулся, или не приняли бы? Так бы и болтался по улицам будущего века, подвывая от ужаса и отчаяния?

В общем, додумывал все это Николенька уже на лестнице. Он стремглав выскочил во двор, кинулся к подворотне... и увидел на ее месте ровную, оштукатуренную стену. Даже скамейки давешней не было – Васютин и компания зачем-то перетащили ее в другой угол двора.

Николенька подошел к стене, где недавно открылся проход в будущее, и потрогал ее руками. Опасливо так – а вдруг в последний момент стена обернется зияющим провалом, и неосторожного мальчика засосет туда со всеми потрохами? А потом стена сомкнется, сыто чавкнув, – на веки вечные...

Но никакого провала не появилось. Штукатурка оказалась точно такой же, какой ей быть и полагалось – шершавой, неровной и слегка нагретой майским солнышком. Николенька с трудом подавил желание понюхать ее – и тут двор

огласили возмущенные крики. У подворотни (той, правильной, через которую по сто раз на дню проходили и сам Николенька, и другие жители дома) разгорелась форменная баталия. Дворник Фомич, бурча что-то назидательное, крутил ухо какому-то мальчишке. Тот, невнятно крича, вырывался, правда, без особого успеха. Еще бы – дворник Фомич слыл грозой сорванцов всей Гороховской; нарушителям спокойствия, дерзнувшим проникнуть во вверенный его заботам двор, приходилось ох, как несладко.

– А ну пусти, олень! Чмо бородатое! Права не имеешь!

То, что жертва Фомича орала во весь голос, несколько Николеньку не удивило. Он и сам в подобной ситуации... А вот содержание этих воплей было по меньшей мере загадочным. Да и голос кричавшего был вроде бы знаком...

Николенька, приглядевшись, с ужасом узнал в мальчишке своего спасителя Ваню – это ему Фомич с упоением крутил ухо!

Гимназист заверещал так, что дворник тут же опустил свою жертву. С воплем: «Как ты смеешь, немедленно отпусти, это ко мне пришли...» – мальчик храбро кинулся спасать жертву произвола.

Недоразумение разрешилось достаточно быстро. И стоило Фомичу удалиться в свою каптерку (он так и не признал поражения и отступил, недовольно бурча что-то себе под нос и бросая на Ваню настороженные взгляды), как Ваня накинулся на своего избавителя:

– Слушай, мне домой надо, и поскорее. Где этот твой портал... ну, калитка? Та, через которую ты... мы... ну, за которой двадцать первый век? Пошли скорее, меня отец ждет!

– Так ведь нет ее. Вот, сами посмотрите, – и Николенька подвел мальчика к стене: – Вот тут она была, а теперь – нету. И следов никаких...

Это был удар – Ваня сразу как-то сник. Он стоял перед стенкой, бессмысленно ковыряя ее пальцем. Даже пару раз в отчаянии пнул безответную штукатурку ногой. Бесполезно – стена стояла, как... стена. Никакой волшебной подворотни не было, не нашлось даже трещинки – сплошная преграда.

– Во я попал... И что дальше делать – снимать штаны и бегать?

– Нет, ну зачем же, – Николенька растерялся от такого странного предложения. Он понимал, что теперь они с Ваней поменялись ролями и его давешний спаситель сам оказался в ужасном положении. – Давайте пойдем к нам домой, я вас чаем напою, а там что-нибудь придумаем...

– Слушай, что ты мне все «выкаешь?» Давай уже на «ты», сколько можно... – Николка обрадованно кивнул, а Ваня оглядел двор, сплюнул и решительно заявил: – Ну ладно, пошли. Все равно тут ловить нечего. По ходу, ты не гонишь, портал и правда накрылся медным тазом... – И, выдав эту загадочную сентенцию, Ваня отправился вслед за Николенькой – по лестнице вверх, в квартиру Овчинниковых.

А Николенька поднимался и думал – кого, собственно, он

должен был гнать, и при чем тут медный таз?

* * *

Ну, в общем, дела мои были плохи – и это еще мягко сказано. Нет, Николка оказался отличным малым и рад был бы мне помочь... но что он мог сделать? Проклятая подворотня взяла и исчезла, не оставив мне никакой надежды. Стена старинного (хотя какой он старинный – всего лет десять как построен!) дома на Гороховской надежно отрезала меня как от родного века – так и от всех, кого я там оставил.

Когда мы поднялись в квартиру, мальчик перво-наперво представил меня своей тетке. Та оказалась образцом радушия, хотя в глазах ее нет-нет да и проскальзывало недоумение. Понять ее, впрочем, можно – племянничек ни с того ни с сего приводит в дом неизвестно кого, причем этот самый «неизвестно кто» одет, мягко говоря, предосудительно, да еще и лепечет что-то невнятное.

Нет, на божья я, конечно, не тянул, но вопросы наверняка возникали. И лишь воспитание не позволило тете Оле поинтересоваться – а кто я, собственно, такой и с чем пожаловал? В общем, путанные объяснения насчет «товарища одного мальчика из нашей гимназии» пока что прокатили – и мы с Николкой оказались за обеденным столом.

Впрочем, не сразу – здесь, как оказалось, в обычае семейные обеды, так что пришлось дожидаться возвращения Ни-

колкиного отца. Тот, как выяснилось, преподавал в гимназии. Услышав об этом, я внутренне сжался – ну все, сейчас будут ВОПРОСЫ.

И точно. Нет, расспрашивали меня вежливо и даже деликатно. Причем без малейшего подвоха, и о самых что ни на есть безобидных вещах: кто я, где учусь, кто родители, где живем и кем служит отец.

Значит, так... спалиться я мог в первые же десять секунд застольной беседы. Спасли меня два обстоятельства: во-первых, обед был очень вкусным, ничего подобного я не пробовал. Так что я вполне заслуженно отдавал должное стряпне кухарки Овчинниковых и делал вид, будто не расслышал очередного неудобного вопроса. А во-вторых – перед самым обедом мы с Николкой успели на четверть часа заскочить к нему в комнату. И там, среди прочего, я увидел на письменном столе журнал «Вокруг света». Вы представить себе не можете, что я испытал! Будто встретил доброго знакомого в далеком уголке мира, где русских, а то и европейцев, вообще никогда не было. Мы выписывали «Вокруг света» сколько я себя помню – но я и понятия не имел, что этот журнал выходил и в одна тысяча восемьсот восемьдесят шестом году!

Дизайн издания с тех пор сильно изменился – в восемьдесят шестом это была невзрачная серая брошюра с черно-белым штриховым рисунком, – но название никуда не делось!

Так вот. Раскрыв журнал, я наткнулся на большую статью о Русской Америке. Читать я ее, разумеется, не стал, не

до того было – хозяин комнаты засыпал меня вопросами, – но пару названий запомнил. Например, город Ново-Архангельск. Ну и когда Василий Петрович, отец Николки, повторил вопрос «Так откуда вы, молодой человек?», – я возьми да ляпни: «Мы с отцом неделю как приехали из Русской Америки, из Ново-Архангельска».

Это произвело впечатление – Николка даже поперхнулся. А Василий Петрович поправил пенсне (прикольный такой аксессуар – и как они тут ухитряются носить эту фигурину, чтобы она не падала с носа?) и переспросил: «Вот как? Из Русской Америки, значит? Интересно, интересно... расскажите-ка поподробнее!»

Короче, я сделал верный ход. Прежде всего – переключил внимание Николкиных родичей с рода занятий моего отца на более безопасные темы. На счастье, Василий Петрович преподавал не географию, а словесность (ну, по-нашему – русский и литературу с лингвистикой), а Джека Лондона тут еще не издавали. Он-то мне и помог – следующие полчаса я заливался соловьем, пересказывая то небольшое, что я помнил из «Смока Белью» и клондайкских рассказов. Меня хватило до конца трапезы, а когда я подустал и взял тайм-аут, Василий Петрович поведал, что в их гимназии устраивают «географические вечера» для учениц и приглашенной публики, и взял с меня слово пригласить на ближайшее мероприятие моего отца – рассказать о Русской Америке. Пообещать-то я пообещал, а вот как выполнять? Ну да ладно, будем решать

проблемы по мере их возникновения.

Когда подали чай (именно подали, я не оговорился; похоже это был своего рода ритуал – с пузатым, пахнущим ко-стром самоваром, пышками и вареньем трех видов), Николка попросил у дяди разрешения оставить меня на ночь. Мол, живем мы в гостинице при Николаевском вокзале – бог знает где это! – добираться мне далеко, через всю Москву, а отец допоздна задерживается у знакомых и в курсе, что я могу переночевать у товарища... Нравы здесь оказались простыми, возражений просьба не вызвала. Николкина тетка тут же засуетилась на предмет того, где бы мне постелить (решено было уложить меня в Николкиной комнате, на топчане), а мы тем временем под шумок слиняли на улицу – проветриться перед сном.

Признаться, я надеялся, выйдя во двор, увидеть спасительную подворотню – и тут же вернуться домой, в двадцать первый век. Увы, надежды оказались тщетными – магической подворотни в стене не было. Пора было смириться с очевидным, хотя и грустным фактом: я застрял здесь навсегда. Один, в далеком прошлом, о котором я к тому же почти ничего не помню! И единственный союзник – тринадцатилетний пацан, для которого все происходящее – не более чем приключение, о котором можно только мечтать!

На самом деле я несправедлив к Николке – мальчишка изо всех сил хотел мне помочь. Но что он может? Разве что фонтанировать идеями одна причудливей другой. Как вам,

например, предложение: завтра с утра сбежать из Москвы и ехать в Африку? При чем вариант «честно рассказать обо всем дяде и тете» даже не рассматривался.

Перебрав с десятков столь же разумных предложений, мы остановились на варианте бегства. Но не в Африку, а немного поближе – в Севастополь. Николка рассказал, что отец его служит офицером на Черноморском флоте и должен, как моряк, поверить моей удивительной истории. Честно говоря, я в этом сомневался, но выбора-то все равно не было! Рассказывать обо всем дяде и тете Николка не хотел категорически, и я его, признаться, понимал – Василий Петрович и тетя Оля люди, конечно, милейшие, но, судя по всему, напрочь лишённые воображения. А там, в Севастополе, можно было надеяться, что нас после первых же слов хоть в дурдом не сдадут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.